

Около пяти часов вечера в магазин «Сириус», что на привокзальной площади села Арень, вошла молодая женщина и спросила продавщицу, когда пойдет автобус на Вышние Осьмаки.

Продавщица с натугой грохнула на прилавок ящик с пивными бутылками и вытаращила глаза.

Перед ней стояло воистину странное создание, не иначе, свалившееся в Арень с этого самого Сириуса: в платьице, которое казалось нарисованным прямо на худеньком теле, с прической из локонов цвета бледного северного золота, с огромными дымчато-серыми глазами в обрамлении шикарных ресниц — и лицом воистину неземной красоты. А главное, только пришелица со звезд могла интересоваться автобусом на Вышние Осьмаки!

— Христос с тобой, подруга, — отмахнулась продавщица, затаривая пивом облезлую клеенчатую сумку, которую ей протягивал дедок в мутной рубаше и рваных тренировочных штанах. — Какой автобус? До каких Осьмаков? Впервые слышу!

— Да ты шо, Люська? — прошамкал дедок. — Да это же деревня у болота, рядом с которой какие-то авторитеты обосновались в староверском скиту.

— А, ну да! — вспомнила продавщица. — Точно, это ж Осьмаки и есть. Полста кэмэ отсюда. Но в той деревне живут полторы старухи да старик какой-то, а остальные разъехались. И автобусы туда не ходят. Только пешочком и дойдешь.

Красавица опустила взор. Она была обута в немислимое сплетение ремешков, охватывающих божественные ножки чуть не до колена. Ремешки крепились к двенадцатисантиметровым каблукам.

— М-да... — вздохнул дедок. — Маловато у тебя обувки для нашей местности! Тут вишь, как народ ходит? — Он лихо задрал скрюченную конечность, всунутую в болотный сапог.

— Что же делать?! — всхлипнула красавица. — Мне обязательно нужно в Вышние Осьмаки!

— Не повезло, — посочувствовал старикан. — Главное дело, сегодня аж три попутки туда было. Мы с мужиками сидим себе за околицей, глядь — трюхает «уазик». Тормознул рядом с нами, высунулся парень, кудрявый весь из себя, и спрашивает, как на Осьмаки проехать. Мы ему объяснили, он нам дал на пивко за совет — и упылил. Вскорости едет могучий такой джипяра. И ему Осьмаки понадобились! Тоже не пожадничал. Я уже наострился было в магазин, как вдруг несется аж «Мерседес»! И около нас притормаживает. Ну, мы тут орем в три глотки: «На Вышние Осьмаки поворот направо, по заброшенной дороге!» Думали, из окошка веером денежки полетят, а он, «Мерседес», гад такой, дал газу — и только ручкой помахал.

— А может, и мне пойти подождать за околицу? — с надеждой спросила красавица. — Вдруг еще кто-нибудь проедет и дорогу спросит?

Дедок осторожно поволок с прилавка сумку с бутылками:

— Это навряд ли. Удача — она до трех разов ходит, да и то на третьем, вишь, спотыкается. Еще год сидеть можно, а не дождешься, чтоб проехал кто. Тем более на Осьмаки!

— Кому тут на Осьмаки? — вдруг раздался громовой голос, и дедок от неожиданности выпустил свой ценный груз. Однако в то же мгновение откуда-то протянулась могучая ручища и поймала сумку в сантиметре над бетонным полом, встреча с которым, конечно же, кончилось бы плачевно для ее хрупкого содержимого.

— Держи, дедуля! — Сумка полетела к хозяину, которого аж зашатало. — А ты, тетенька, живенько брось мне пару ящиков «Нижегородской». Сдачи не надо.

Из разлапистой руки посыпались купюры, на которые продавщица налетела коршуном и успела сгрести их под прилавок прежде, чем чей-нибудь острый глаз мог хотя бы прикинуть сумму этой самой ненужной сдачи.

— Так кому в Осьмаки? — повторил щедрый покупатель.

— Мне! — пискнула красавица — и онемела.

Если правду говорят, будто человек произошел от обезьяны, то в магазине стояло живое подтверждение теории дарвинизма. Причем, судя по всему, процесс завершился буквально вот-вот, еще волосяные покровы сойти не успели. Могучие клубки мышц, глыбы плеч, шея в два обхвата, плавно сужающаяся к макушке, — ну суцая горилла! Правда, голова оказалась уже вполне человеческая: белобры-

сая, бритая, — и лицо было бы даже симпатичное, когда б не портил его косо срезанный подбородок.

Голубые глаза вновь образованного гомо сапиенс расширились при взгляде на стройную фигуру и немыслимые ноги красавицы.

— Мать твою... — выразил он свое неподдельное восхищение и воздел кулачище с зажатой в нем пачкой купюр. — Шампанского даме!

Продавщица метнула на прилавок черно-серебристую бутылку.

— Да что ты мне даешь? — рявкнул покупатель. — Ящик волоки! Ящик шампанского!

Продавщица, спотыкаясь, зарысила в подсобку.

Горилла одним махом содрала фольгу, отвинтила проволоку и тычком по дну вышибла пробку.

Девушка отпрянула, пыталась спастись от пенистой струи, хлынувшей из бутылки, словно из огнетушителя.

Подтверждение теории Дарвина с неподдельным восторгом наблюдало за грациозными движениями ее изящного тела.

Убедившись, что ни одежде, ни прическе не принесено урону, красавица подняла на гориллу дивные очи:

— В Вышние Осьмаки не подвезете?

— Подвезу, — хрипло выдохнул новенький гомо сапиенс. — Хоть на край света подвезу!

Продавщица с грохотом проволокла по полу ящик.

Галантная горилла выхватила еще одно шампанское, выбила пробку столь же замечательным способом и звонко чокнулась с бутылкой, которую держала девушка:

— Со знакомством! Виталя меня зовут. А тебя?

— Ирина... Ирина Бурмистрова.

— Иринка, значит, — ласково уточнил Виталья. — Красивое имя! А ты вообще отпад!

Вслед за этим Виталья рассовал бутылки шампанского по карманам необъятных шортов, заграбастал каждой ручищей по ящику водки и scomандовал:

— На выход!

Ирина потащилась за ним, будто во сне. Ей уже давно казалось, что с ней происходит нечто нереальное, ну а сейчас это ощущение усугубилось.

Виталья *так* на нее смотрел... Вообще-то сегодня с самого утра все мужчины смотрели на нее именно *так*. И, надо признать, это доставляло ей удовольствие. Но все же с обочин сознания нет-нет да и кукарекала ехидненькая мыслишка: «Что ты о себе возомнила, интересно?! Они, дураки, ничего не знают, но ты-то, ты... Кому голову морочишь?!»

Ирина запуталась на ступеньках в своих каблучищах и влетела напрямик в объятия Витали, который уже запихал ящики в багажник огромного серебряно сверкающего автомобиля и даже избавился от бутылок.

— Ух ты какая тоненькая! — пробормотал Виталья. — Хоть узлом тебя завяжи. Прямо змейка! А ты, между прочим, змеев боишься?

— Не змеев, а змей, — уточнила девушка с видом человека, привыкшего исправлять речевые ошибки ближних своих, но тут же испугалась: — А что, тут водятся змеи?!

— Одного я своими глазами видел час назад, — хохотнул Виталья. — Садись. А ну, красивая, поехали кататься!

Ирина забралась на переднее сиденье и попыталась натянуть юбку на колени. С тем же успе-

хом Ева могла проделывать это со своим фиговым листком.

Миг — и поселок остался позади, а к дороге с обеих сторон подступили сосны.

Ирина смотрела на бегущую под колеса дорогу — и недоверчиво качала головой.

Вчера! Неужели все это началось только вчера?! Сутки назад?! Впервые слова: «Чудилось, целая жизнь прошла с тех пор!» показались ей не банальностью, а истиной...

— Ты работаешь-то где? — спросил между тем Виталья, выныривая из глубокой колдобины, залегшей на пути, как тайный враг. Впрочем, следует сказать, что на всей дороге таились такие «враги». От асфальта осталось только жалкое крошево по обочинам, и если бы не высокие колеса и мощные рессоры авто, поездка превратилась бы в нечто зубодробительное и скуловоротное. А так седоков лишь слегка подбрасывало на сиденьях.

— В областной библиотеке, — сказала Ирина. — В отделе редких фондов.

— А в Осьмаки зачем? К родне?

Ирина ругательски ругала себя за откровенность. Вот уж воистину: простота хуже воровства! Надо было все три часа в электричке не отражением своим любоваться в оконном стекле, а легенду сочинять. И вдруг ее осенило:

— В командировку еду. Деревня хоть и заброшена теперь, но, по слухам, осталась нетронутой сельская библиотека. А в ней были очень ценные экземпляры старых книг. Здесь места староверские, вдруг сохранились, к примеру, неправленные Библии, ну, еще до раскола изданные, это ведь настоящий клад...

Стоп! Ирина заставила себя в буквальном смысле прикусить язык и сморщилась от боли и злости. Дура болтливая!

Сосняк, плотной стеной стоявший вдоль дороги, внезапно поредел, а потом и вовсе разошелся, и впереди показалась небольшая деревня. У въезда стоял столбик с табличкой, однако разобрать на ней хоть слово оказалось невозможно: железо все было изорвано дырами, словно кто-то тыкал туда железным острым пальцем.

— Что это?

— Да ну, чепуха! — ухмыльнулся Виталя. — Мы со Змеем тут позавчера тренировались в стрельбе из автоматического оружия.

Ирина испуганно моргнула:

— Со змеем?.. Но разве они умеют стрелять?

— Не знаю, как насчет остальных, а этот очень даже умеет! — сообщил Виталя. — Обставил меня на пару ящиков, гад ползучий. Везу ему свой проигрыш. Но это даже к лучшему, ведь иначе я б не встретил тебя. Сейчас приедем, выпьем со знакомством...

Ирина снова попыталась натянуть свой фиговый листок на колени: ее зазнобило от страха.

Еще не хватало по гостям разъезжать, да еще с каким-то Змеем пить! Может быть, ей и удалось опередить тех, кто преследует ее, но надолго ли? Времени терять нельзя!

И вдруг на обочине мелькнула табличка с перечеркнутой красными буквами надписью: «Вышние Осьмаки».

«То есть как это? — растерянно оглянулась Ирина. — Знак, что Осьмаки кончились, есть, а что они начинались — нет?»

И тут до нее дошло, что тот самый изрешеченный пулями кусок железа, болтавшийся на столбе, и был названием деревни! Выходит, Виталя отлично знал, что они уже в Осьмаках? Знал — и не сказал?!

— Остановите, остановите, — забормотала она, хватаясь за ручку двери. — Я уже приехала, я уже сойду.

— Да ладно-ка! — вальяжно пробасил Виталя. — Чего тебе тут делать, на этом кладбище? Пыль книжную глотать? Это для легких вредно! Поехали лучше к нам на базу. Тебе полезно на природе пожить, вон ты какая бледненькая.

— Здесь тоже природа! — взвизгнула Ирина, изо всех сил дергая ручку, но та не поддавалась ее усилиям.

— Не дергай, — мягко посоветовал Виталя. — Здесь система «четыре-один». Один замок сломашь — все из строя выйдут. Тогда придется нам с тобой тут жить всегда. Хотя почему бы нет? Выпить есть чего, спать есть где.

Он нажал на какую-то кнопку, и спинка Иринино сиденья внезапно откинулась, так что девушка оказалась простертой плашмя.

— Нет, здесь очень даже можно жить... половой жизнью, — хохотнул Виталя.

Ирина мгновенно вышла из ступора и взвилась над сиденьем так, что макушкой врезалась в потолок. Замолотила кулаками в стекло, но оно не поддавалось. И безлюдье, такое безлюдье кругом! Мелькнула на обочине деваха в красном сарафане; рядом лениво брела корова, которую деваха то и дело подхлестывала прутом.

Корова вскинула голову, встретившись с безумным Ирининым взглядом своими огромными без-

мятежными глазами. И у девахи были точно такие же сонные, равнодушные глаза...

— Лежать! — скомандовал Виталя, хватая Ирину за волосы и опрокидывая на сиденье. — Ну чего ты колотишься, не пойму, нас же там всего двое! Лежи! А то ты меня так возбуждаешь, что уже сидеть больно. Еще раз дернешься — и я... Вот так, умница, — хохотнул одобрительно. — Хорошая девочка, лежи тихо!

Ирина лежала тихо. А что еще оставалось делать?

* * *

ИЗ СТАРЫХ ПИСЕМ:

«Здравствуйте, моя любимая жена Асенька, родные дети Володя и Машенька!

Не пугайтесь, получив письмо, написанное чужим почерком. В последнем бою меня ранило в правое плечо, оттого не в силах я сам держать карандаш, пишу за меня добрые люди.

Спешу сообщить, что жив и здоров, насколько позволяет моя рана. Поначалу боялся, что руку отнимут, но доктор сказал, вроде бы обойдется дело. Не иначе, твоими молитвами и горячими слезами, дорогая Асенька, начал я выздоравливать.

Хотя не всякому так повезло, как мне. Вот на соседней койке позавчера умер один человек... А знаешь, кто это был? Ни за что не угадаешь! Наш сосед со старого двора — ну, тот самый, у которого дед себе домовину при жизни выстругал. Вспомнила?

Много он чего понарасказывал про себя, я мало чему верил, но поскольку здешний особист разгова-

ривал с ним по-человечески, значит, не так уж он и врал. Выходит, и правда искупил свою вину кровью и, если бы выжил, вернулся бы в строй уже как человек. Только, беда, не выздоровел он. Ты, Асенька, сходи к Анне Ивановне и покажи это письмо. Небось через военкомат известят ее, а ну как нет? Он же, помирая, все просил, чтоб я непременно известил о его кончине мать. И чтобы ей передал: надо, мол, достать из-под порога какой-то черный гроб (сестренка его Тонечка якобы знает, где он лежит), а открыть нужно позвать деда из Вышних Осьмаков. Конечно, сосед при этих словах уже заговаривался предсмертно, потому что дедушка его давным-давно сгинул из дому неведомо куда и, конечно, уже помер. Да и разве может под порогом находиться гроб?! Однако я перечесть ему не стал и обещал, что все передам досконально. Ты, Асенька, не поленись, сходи к Анне Ивановне, буде она еще жива, а то, может, не перенесла того горя, какое сын ей принес. Но он клялся, умирая, что ни в чем не был виновен и оговорили его злые люди. Ну, земля ему пухом...

Девушка, что пишет за меня это письмо, работает на швейной фабрике. Она была при кончине нашего прежнего знакомого, она ему и глаза прикрыла. Ее зовут Клава Кособродова, душа у нее добрая, а почерк разборчивый, не то что у меня, так что надеюсь крепко: каждое слово ты в моем письме разберешь и поймешь правильно.

Целую вас крепко, любимая моя жена Асенька, родные дети Володя и Машенька. Желаю вам быть здоровыми и ждать меня терпеливо, а я вернусь домой непременно, как только разобьем фашистского зверя в его логове.

Ваш муж и отец Василий Дворецкий».

* * *

ПРОШЛОЕ

Девчонка плакала на остановке.

Плотная, широкоплечая, круглощекая, с разноцветными перышками волос, она то стискивала руки на груди, то бросалась вперед и начинала стучать в стекло маршрутки.

— Позвони мне! — кричала она. — Позвони, ну пожалуйста! — И вдруг: — Я тебя люблю! Люблю!

Люди, стоявшие на остановке, пялились на нее во все глаза; шофер тоже посматривал в зеркальце заднего вида, но не трогался с места. Он хотел, чтобы полупустая маршрутка заполнилась. И ему было все равно, что человек, которому адресовались признания, явно мечтает провалиться сквозь землю.

На него оглядывались. Кто-то понимающе вздыхал, кто-то откровенно ухмылялся.

Катерина не удержалась и оглянулась тоже. Ладненький, хорошенький парнишка, сидевший на заднем сиденье, то натянуто улыбался своей неистойвой подруге, то раздраженно махал через стекло: уходи, мол! — но девчонка или не понимала, или просто не в силах была уйти.

— Позвони, ну пожалуйста! — кричала она сорванным голосом, тиская на груди футболку.

— Пьяная, что ли? — громко сказала какая-то женщина.

Дверцы маршрутки наконец-то закрылись, и Катерина услышала, как парнишка испустил вздох нескрываемого облегчения.

Девчонка бессильно уронила руки.